Мне хочется рассказать о совсем маленькой девочке, моей сестре Наде, ставшей жертвой, которая в ряду других человеческих трагедий Великой Отечественной войны осталась малозаметна. Мой рассказ о сестрёнке будет коротким, как Богом отпущенный ей век, длившийся всего год и восемь месяцев. Однако в тот день, когда окончился её крестный путь, моя мама получила дозволение свыше жить дальше без малого сто лет и тем самым продолжить многочисленный род Кузнецовых, что и мне позволило появиться на свет божий, лучше понять бытие моих родителей и нашей семьи.

Недолгая жизнь и тихий уход из неё нашей Наденьки даёт повод напомнить землякам-салаирцам о случившейся в день её смерти иной трагедии, унесшей много других человеческих жизней, а ещё передать некоторые рассуждения мамы о прожитых ею годах, о войне, счастье, проблемах человеческого бытия. Возможно, они представят определённый интерес для поколения людей, только вкусивших само существо предложенных им, можно сказать, новых устоев, позволят связать их с опытом прошлых поколений людей, познавших войну и не желавших её повторения никому, в том числе немцам, её начавшим.

Сестра Надя умерла от воспаления лёгких 6 февраля 1943 года в Салаире, где и родилась 16 июня 1941 года, став второй дочерью моих родителей Николая Ивановича и Евдокии Степановны Кузнецовых. Из жизни она ушла тихо, беспомощно лёжа на своей постельке без взрослого пригляда и внимания, без чьёго-либо причитания и плача, потому что рядом с ней никого не могло быть. Папа бился с неприятелем на передовой. Не было мамы, не было доктора: они каждый по-своему воевали с фашистами на том фронте, который образовался в тылу и назывался трудовым. Ведь шла война, и все были заняты ею. Старшая сестра Галя, чуть взрослее Нади, совершенно не понимавшая, что с девочкой стряслось, конечно, никакой помощи оказать не могла. Ей показалось, что младшая сестра спокойно уснула. Надя,

покидая мир живых, в силу своего возраста не могла понять, в какое время она живёт, что происходит вокруг, она не успела ничему научиться, не постигла как радости земного существования, так и таинства смерти, которую по-детски смиренно приняла.

Внезапная и скорая кончина нашей сестры стала незаметным событием для горняцкого посёлка, где каждый на виду, а горе и радости его жители в ту пору всегда делили меж собой поровну. Случись это в другой день, всё было бы по-иному: соседи, многие другие люди разделили бы скорбь тяжёлой утраты с нашей мамой. Но случилось так, что одновременно с Надей в одночасье смерть от пожара в шахте постигла ещё минимум полторы сотни горняков. Справляться с утратой родных и близких людей, друзей и товарищей по работе пришлось многим и многим салаирцам. Их боль слилась в одно общее горе, в котором смерть совсем махонького ребёночка выделить было невозможно. Наша Надя вместе с шахтёрами, погибшими на трудовом фронте Великой Отечественной войны, так и лежит в земле, ставшей родной уже для нескольких поколений большого семейства Кузнецовых.

Надя появилась на свет желанным ребёнком. Родители ещё до свадьбы решили, что у них будет много детей. Сколько? Ровно столько, сколько Бог даст, но не два и не три, а больше. Мама и папа видели в детях своё счастье и мечтали о том, чтобы счастливо сложилась жизнь их многих потомков. Особенно мама хотела иметь много детей, потому что её детство прошло без родителей, которых она не помнит, как и не знает о том, были ли у неё братья и сёстры.

Мама вспоминала себя маленькой девочкой, которую в группе разновозрастных детей в неведомом ей до сего дня месте грузят в тесные каюты парохода. На берегу реки верблюды обгладывают куст какой-то растительности, а грубая женщина, сопровождающая детей, требует от любопытных ребятишек, чтобы они не выглядывали в окна-иллюминаторы. Что было с ней до этого дня, откуда родом, кто родители, где они и что с ними случилось, она не знала и не узнает уже никогда. Слава богу, что сохранилась тогда её фамилия, имя, отчество: «Евдокия Степановна Бушуева». Так было написано на бирке, привязанной к её руке. Всё! Больше о маленькой девочке никто ничего не знал.

Помнит ещё, что знойным летним днём в центре алтайского села Мельниково Новичихинского района привезённых ребятишек разбирали по домам местные жители. Брали столько, сколько считали нужным. Ничейным детям была уготована судьба батраков в зажиточных крестьянских хозяйствах. Маме очень повезло. Муж с женой, взявшие её в свой дом, оказались добропорядочными людьми. Маленькую работницу приставили присматривать за своими младшими детьми, не унижая, не попрекая куском хлеба. Они же сохранили бирку, привязанную к руке приёмыша. При помощи врачей восстановили её возраст – шесть лет, определив тем самым год её рождения – 1917-й. И почему-то назначили датой её рождения 31 марта, возможно, связав этот день с каким-либо своим семейным событием. Местом рождения девочки записали свою родную деревню. Так и появилась на Алтае взявшаяся ниоткуда Евдокия Степановна Бушуева.

На сколько ошиблись врачи в определении маминого возраста, неизвестно. «Год туда или сюда – это пустые разговоры», – считала мама. Главное, что она, брошенная или разлучённая с родителями насильно, попала в добрую семью. Принявшие её люди стали для неё матерью и отцом, а подопечные ребятишки – братьями и сёстрами, с которыми, как с родными, встречалась до последних дней своей жизни.

Мама, ставшая в новой семье глубоко верующим человеком, постоянно говорила, чтобы Господь дал каждому христианину такое Божие благословение на добрую заботу о воспитании оставшихся без попечения родителей детей, число которых ото дня ко дню растёт. А ещё в течение всей жизни она не уставала повторять: «Всякое благо, какое имеем, и всякое добро, которое делаем, есть Божие и от Бога». Так и прожила она свой век, благодаря за всё Всевышнего.

Детство и юность мамы прошли в работе, которой на селе всегда хватало. Приёмные родители ничем не обижали девушку. Когда пришло время – как положено, не хуже, чем у всех, сыграли свадьбу. Молодую невесту выдали замуж за сельского парня Николая – сына Ивана Кузнецова.

Невестка знала, что её свекор – хороший хозяин не только в своём селе, а во всей округе. Обойди хоть сто вёрст кругом – не найдёшь ему равного. Под стать отцу был его сын, сразу взявшийся за обустройство своего дома.

Но как-то в село приехал двоюродный брат отца, работавший на шахте в Салаире. Он рассказал о том, что в первом горняцком посёлке Кузбасса ведётся активная разработка руд, а также золота и серебра. Рабочие там всегда нужны, заработки хорошие. Новая работа заинтересовала молодых супругов. Спросив родительского благословения, они переехали жить в Салаир.

Здоровый, физически крепкий, трудолюбивый парень работу долго не выбирал, сразу поступил туда, где больше всего был необходим – крепильщиком в

шахту. Только однажды, когда началась война, он оставил её, пока надо было сражаться с фашистами.

По довоенным временам Салаир представлялся посёлком с довольно развитой инфраструктурой и налаженной с внешним миром связью. Весть о начале войны дошла до горняков уже днём 22 июня. Сразу же собрался стихийный митинг, на котором звучали патриотические речи, но многие плакали, понимая, что наступили тяжёлые времена.

Отца призвали в Действующую армию на второй день после объявления войны. Он толком и не видел свою младшую дочь – только через окно родильного отделения городской больницы и ещё несколько часов в день отправки на фронт, когда мама в первый день мобилизации салаирцев выписалась из больницы. Мама рассказывала, как на проводах разухабисто играла гармошка, как пели песни. Однако, как только горняки, вдруг ставшие воинами, колонной тронулись с места, все разом закричали и запричитали. Причитали страшно, натужно. Бабы вопили и выли так, словно уже знали: из тех, кто отправился на войну, возвратятся не все. Но каждая верила, что её-то муж, брат, сын обязательно вернутся.

Для жителей затерявшегося в глухой сибирской тайге Салаира начались военные будни. Женщины, подростки, старики, мужчины, непригодные для военной службы, а ещё ссыльные и расконвоированные заключённые добывали так необходимые для страны ртуть, свинец, медь, олово, серебро, золото.

В глубоком тылу, как и на фронте, всегда было место подвигу. Разве уже одно то, что женщины и дети каждый день на 10–12 часов опускались под землю на глубину свыше 200 метров и работали в шахте в неимоверно трудных условиях, выполняя и перевыполняя установленные для мужчин нормы выработки, не является подвигом? Мама рассказывала, что в военное время в работе мало кто считался с тем, что ты женщина или не достигший совершеннолетия ребёнок. Все являлись горняками, главной обязанностью которых была добыча наибольшего количества драгоценного металла для страны, для Победы.

Как мать двоих маленьких детей, мама не должна была работать в шахте. Её определили учётчицей концентратов четвёртого участка рудника. Загруженность работой не позволяла уделять достаточно внимания дочерям, их здоровью. Однажды молодая мать опоздала на работу. Воспалением лёгких заболела младшая дочь Надя. Тем не менее утром того дня больного ребёнка пришлось дольше обычного собирать в ясли: работу прогуливать нельзя, там быть обязана в срок. Потом в утренней полутьме по завьюженным тропинкам, проваливаясь в глубоком снегу, бежала на свой участок, но к началу раскомандировки не успела.

Опоздание, невыход на работу в годы войны считались серьёзными нарушениями, и работник, который это допустил, мог быть отдан под суд. Мать двоих малолетних детей пожалели, судить не стали, но на три месяца отправили работать в шахту, где всегда не хватало рабочих рук.

6 февраля 1943 года маминому участку, где она стала работать пробером, предстояло трудиться на горизонте 252-го метра. Перед самым спуском в шахту кто-то прибежал из детских яслей и сообщил, что тяжелобольная младшая дочь Кузнецовой умирает. Мать, слава богу, отпустили с работы. Она забрала из яслей девочек домой, но вскоре весь горняцкий посёлок пришёл в движение от мгновенно распространившейся вести о пожаре в шахте и массовой гибели людей. Оставив больного ребёнка под присмотром старшей дочери, мама побежала на шахту, успев только шепнуть: «Не плачь, Наденька».

Первым, кто встретил её, был седенький сгорбленный старичок из ссыльных. Он работал у неё помощником, перетаскивая следом за ней мешки с пробами руды. Его без пробера не стали спускать в шахту, а оставили работать на поверхности. Он плакал и обнимал маму, считая её своей спасительницей.

На горизонт 252-го метра в тот день спустилось 23 человека во главе с начальником участка Н. Чувильской. Когда спасатели добрались до места их гибели, то увидели только круг из мёртвых тел. Начальник участка, пытаясь спасти людей, видимо, заставила их обмотать лица мокрыми тряпками и лечь кругом, спрятав головы под одежду друг друга. Однако смертельный газ беспощадно умертвил горняков. Когда тела погибших подняли на поверхность, всем показалось, что люди просто спят. Ещё несколько дней из шахты поднимали тела заживо сгоревших и задохнувшихся горняков.

Считается, что авария на шахте комбината произошла по причине грубого нарушения правил техники безопасности и унесла жизни около 150 горняков.

Погибших хоронили всем посёлком. Такого скорбного дня Салаир не видел никогда. Безродных, то есть ссыльных и бывших заключённых, студентов-практикантов, чьи личности не удалось установить, похоронили в братской могиле. Всех остальных погибших хоронили родственники.

При общей скорби и в одной траурной процессии схоронила мама и свою младшую дочь Надю, мою старшую сестру.

Достигнув почтенного возраста, мама говорила мне, что старчество есть некоторый вид монашеско-

го устроения жизни, в котором душа после многих искушений и страданий ищет умиротворения. Однако мама часто возвращалась к тому незабываемому трагичному событию зимы 1943 года. Когда появилось время, она предалась размышлениям, почему Господь не пустил её вместе с товарищами в шахту, уберёг от неминуемой смерти, забрав при этом маленькую девочку. «Смерть является последствием первородного греха, – считала мама, – но Христос превратил её в орудие нашего спасения, то есть христианская смерть обладает положительным смыслом. Через смерть душа человека может встретиться с воскресшим Иисусом Христом, истинным человеком и Богом, и жить в вечном блаженстве». Почему Господь тогда отнёс время её блаженства и дал ей такую длинную и трудную жизнь, укоротив до предела безмятежную и безгрешную детскую? «Может быть, – думала мама, – обрекая дитя на смерть, Бог спас нашу Надю от других, более суровых испытаний? Значит, так лучше?»

Мама говорила, что ответы как приходили, так и отсрочивались со своим окончательным смыслом. Оставалось в сознании чаще всегда одно: «Всё – Божие и от Бога. Веруй!»

Мама всегда верила в бессмертие души и вечную жизнь, в годы войны – в скорую Победу, в радостную встречу с мужем, что ещё будет у неё большая, дружная и счастливая семья.

Всё именно так и случилось. Отец вернулся с фронта с орденами, весь израненный, на костылях, но живой. Оправившись от ранений, пошёл работать в шахту. Жизнь продолжалась.

Мои родители вырастили и воспитали пятерых детей. Они были рады тому, что у них растёт восемь внуков и столько же правнуков, есть и праправнуки. Многие их наследники имеют высшее образование, а двое из внуков получили и второе высшее образование. Могу с гордостью сказать, что все младшие Кузнецовы состоялись как личности. В нашей родне никому ни за кого не стыдно. Все Кузнецовы красивые, степенные да здоровые – залюбуешься!

Спросила как-то маму: «Счастлива ведь ты?» Всегда словоохотливая в наших разговорах, мама тогда вдруг, как бы споткнувшись, неожиданно надолго задумалась и заявила: «Не совсем. За вас – детей, внуков, правнуков – радуюсь, вами счастлива. А собой – нет».

Про себя я подумала: «Понятно, старость не радость». Но мама, разоткровенничавшись, говорила, что, конечно, её жизненный опыт наводит на многие размышления, в том числе о счастье и смысле жизни. «Легко было не задумываться над этими вопросами, когда трагические испытания военных и послевоенных лет казались исключительными и у каждого было естественное и разумное дело. Тогда общий вопрос о жизни только мерещился где-то в туманной дали и смутно-потаённо тревожил душу. Особенно, – продолжала мама, – в молодом возрасте, когда разрешение всех вопросов жизни предвидится в будущем и условия жизни легко позволяли жить мечтами». Раньше ей и отцу казалось, что будничная, суровая жизнь, выпавшая на их долю, есть, собственно, недоразумение, временная задержка в наступлении подлинной жизни, томительное ожидание, нечто вроде томления на какой-то случайной остановке поезда. Но завтра или через несколько лет, во всяком случае в скором будущем, всё изменится, откроется истинная, разумная и счастливая жизнь. Весь смысл жизни – в этом будущем, а сегодняшний день для жизни не в счёт. Всё лучшее там – впереди, к нему надо стремиться, много работая. Наступление этого решающего светлого дня, которого мои родители ждали чуть не завтра или послезавтра, почему-то оттягивалось на долгие годы. Он отходил для них в какую-то неуловимую даль, его ждали уже не завтра и послезавтра, а только «через несколько лет», например в «следующей пятилетке», а то и вовсе через двадцать лет, когда будет построен коммунизм, о чём много говорили с высоких трибун. Надо ждать и работать, работать и ждать.

Мама считала, что люди впали в зависимость от ожидания этого решающего дня. Тогда она задала себе (конечно, и мне) такой вопрос: «Может быть, в этом томительном ожидании благоденствия растрачиваем мы весь запас наших духовных сил, что ведёт к прозябанию, отчаянию, потере представлений о добре и зле?»

«И правда, – подумала я, – разве не видно, как многие люди, потеряв надежду на разрешение вопроса о своём будущем, либо тупеют и духовно замирают в будничных заботах о куске хлеба, а то кончают жизнь самоубийством, либо нравственно умирают».

В том откровенном разговоре я спросила: «Что же делать, мама?» Помню, она сказала, что остаётся жизнь, сама жизнь во всей её неприглядной наготе, ибо сам Бог на Синайских высотах через древний Израиль всем людям и навеки определил: «…жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие: избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё». Это моя главная заповедь, которую я приняла от Бога через мою маму и сестру Надю.

Не плачь, Наденька, мы тебя помним!

Записал **Анатолий ВОРОБЕЙ**